

Тема: ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Б. ПАСКАЛЬ

По самой своей натуре мы несчастны всегда и при всех обстоятельствах, ибо, когда желания рисуют нам идеал счастья, они сочетают наши нынешние обстоятельства с удовольствиями, нам сейчас недоступными. Но вот мы обрели эти удовольствия, а счастья не прибавилось, потому что изменились обстоятельства, а с ними — и наши желания...

Суть человеческого естества — в движении. Полный покой означает смерть...

Развлечение. — Человек с самого детства только и слышит, что он должен печься о собственном благополучии, о добром имени, о своих друзьях, и вдобавок о благополучии и добром имени этих друзей. Его обременяют занятиями, изучением языков, телесными упражнениями, неустанно внушая, что не быть ему счастливым, если он и его друзья не сумеют сохранить в должном порядке здоровье, доброе имя, имущество, и что малейшая нужда в чем-нибудь сделает его несчастным. И на него обрушиваются столько дел и обязанностей, что от зари до зари он в суете и заботах. «Что за диковинный способ вести человека к счастью, — скажете вы — Вернейший, чтобы сделать его несчастным!» — Как вернейший? Есть куда вернее: отнимите у него эти заботы, и он начнет думать, что он такое, откуда пришел, куда идет, — вот почему его необходимо с головой окунуть в дела, отвратив от мыслей. И потому же, придумав для него множество важных занятий, ему советуют каждый свободный час посвящать играм, забавам, не давать себе ни минуты передышки.

Как пусто человеческое сердце и сколько нечистот в этой пустоте!..

Человек, несомненно, сотворен для того, чтобы думать: в этом и главное его достоинство, и главное дело жизни, а главный долг в том, чтобы думать пристойно. И начать ему следует с размышлений о себе самом, о своем создателе и о своем конце.

Но о чем думают люди? Совсе не об этом, а о том, чтобы поплясать, побряцать на лютне, спеть песню, сочинить стихи, поиграть в кольцо и т. д., повоевать, добиться королевского престола, и ни на минуту не задумываться над тем, что это такое: быть королем, быть человеком...

Величие человека — в его способности мыслить.

Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает.

Итак, все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом — основа нравственности...

Славолюбие — самое низменное свойство человека и вместе с тем самое

неоспоримое доказательство его высокого достоинства, ибо, даже владея обширными землями, крепким здоровьем, всеми насущными благами, он не знает довольства, если не окружен уважением ближних. Превыше всего он ценит людской разум, и даже почтеннейшее положение не радует его, если этот разум отказывает ему в почете. Почет — заветная цель человека, он будет всегда неодолимо стремиться к ней, и никакая сила не искоренит из его сердца желания ее достичь.

И даже если человек презирает себе подобных и приравнивает их к животным, все равно, вопреки самому себе, он будет добиваться всеобщего признания и восхищения: он не в силах противиться собственной натуре, которая твердит ему о величии человека более убедительно, чем разум — о изменности...

Величие человека.— Величие человека так несомненно, что подтверждается даже его ничтожеством. Ибо ничтожеством мы именуем в человеке то, что в животных считается естеством, тем самым подтверждая, что если теперь его натура мало чем отличается от животной, то некогда, пока он не пал, она была непорочна...

Человеческую природу можно рассматривать двояко: исходя из конечной цели, и тогда человек возвышен и ни с чем не сравним, или исходя из обычных свойств, как рассматривают лошадь или собаку, исходя из их обычных свойств — способности к бегу, *et animum arcendi* *, — и тогда человек низок и отвратителен. Вот два пути, которые привели к стольким разногласиям и философским спорам.

Потому что одни оспаривают других, утверждая: «Человек не рожден для этой цели, ибо все его поступки ей противоречат», — а те, в свою очередь, твердят: «Эти изменные поступки лишь удаляют его от конечной цели».

418

Опасное дело — убедить человека, что он во всем подобен животному, не показав одновременно и его величия. Не менее опасно убедить в величии, умолчав о изменности. Еще опаснее — не раскрыть ему глаза на двойственность человеческой природы. Благоприятно одно — рассказать ему и о той его стороне, и о другой.

Человек не должен приравнивать себя ни к животным, ни к ангелам, не должен и пребывать в неведении о двойственности своей природы. Пусть знает, каков он в действительности.

Паскаль Б. Из «Мыслей» // Размышления и афоризмы французских моралистов XVI—XVII веков. Л. 1987. С. 230, 233, 238, 266, 275—276

Цит. по: Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч.2. — М.: Политиздат, 1991. — С. 17 – 19.

ВОЛЬТЕР

Мало кто из людей воображает, будто имеет подлиннее понятие относительно того, что представляет собой человек. Сельские жители известной части Европы не имеют иной идеи о нашем роде, кроме той, что человек — существо о двух ногах, с обветренной кожей, издающее несколько

членораздельных звуков, обрабатывающее землю, уплачивающее, неизвестно почему, определенную дань другому существу, именуемому ими «король», продающее свои продовольственные припасы по возможно более дорогой цене и собирающееся в определенные дни года вместе с другими подобными ему существами, чтобы читать нараспев молитвы на языке, который им совсем незнаком.

Король рассматривает почти весь человеческий род как существа, созданные для подчинения ему и ему подобным. Молодая парижанка, вступающая в свет, усматривает в нем линии, пищу для своего тщеславия; смутная идея, имеющаяся у нее относительно счастья, блеск и шум окружающего мешают ее душе услышать голос всего, что еще есть в природе. Юный турок в тишине сераля взирает на мужчин как на высшие существа, предназначенные известным законом к тому, чтобы каждую пятницу всходить на ложе своих рабынь; воображение его не выходит за эти пределы. Священник разделяет людей на служителей культа и мирян; и, ничтоже сумняшеся, он рассматривает духовенство как самую благородную часть человечества, предназначенную руководить другой его частью, и т. д.

Если бы кто решил, что наиболее полной идеей человеческой природы обладают философы, он бы очень ошибся; ведь, если ⁴ исключить из их среды Гоббса, Локка, Декарта, Бейля и еще весьма небольшое число мудрых умов, прочие создают себе странное мнение о человеке, столь же ограниченное, как мнение толпы, и лишь еще более смутное. Спросите у отца Мальбранша, что такое человек, он вам ответит, что это — субстанция, сотворенная по образу божьему, весьма подпорченная в результате первородного греха, но между тем более сильно связанная с богом, чем со своим собственным телом, все усматривающая в боге, все мыслящая и чувствующая в нем же.

Паскаль рассматривает весь мир как сборище злодеев и горемык, созданных для того, чтобы быть проклятыми, хотя бог и выбрал среди них на вечные времена несколько душ (т. е. одну на пять или шесть миллионов), заслуживающих спасения.

Один говорит: человек — душа, сопряженная с телом, и, когда тело умирает, душа живет вечно сама по себе. Другой уверяет, что человек — тело, в силу необходимости мыслящее; при этом ни тот ни другой не доказывает свои положения. Я желал бы при исследовании человека поступать так же, как в своих астрономических изысканиях: мысль моя иногда выходит за пределы земного шара, с которого все движения небесных тел должны представляться неправильными и запутанными. После того как я понаблюдаю за движениями планет так, как если бы я находился на Солнце, я сравниваю кажущиеся движения, видимые мной с Земли, с истинными движениями, которые наблюдал бы, находясь на Солнце. Таким же точно образом я попытаюсь, исследуя человека, выйти прежде всего за пределы сферы человеческих интересов, отделаться от всех предрассудков воспитания, места рождения и особенно от предрассудков философа.

* — стремления отогнать (лат.).

Вольтер. *Метафизический трактат //Философские сочинения.*
М., 1988. С. 227-228

Цит. по: Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч.2. — М.: Политиздат, 1991. — С. 19 — 20.

К. Л. ГЕЛЬВЕЦИЙ

Человек по своей природе и травоядное и плотоядное существо.. При этом он слаб, плохо вооружен и, следовательно, может стать жертвой прожорливости более сильных, чем он, животных. Поэтому, чтобы добыть себе пищу или спастись от ярости тигра и льва, человек должен был соединиться с другими людьми. Целью этого союза было нападение на животных и их умерщвление * — либо для того, чтобы поедать их, либо для того, чтобы защищать от них плоды и овощи, служившие человеку пищей. Между тем люди размножились, и, чтобы прожить, им нужно было возделывать землю. Чтобы побудить земледельцев сеять, нужно было, чтобы им принадлежала жатва. Для этого граждане заключили между собою соглашения и создали законы. Эти законы закрепили узы союза, в основе которого лежали их потребности и который был непосредственным результатом физической чувствительности **. Но нельзя ли рассматривать их общительность как врожденное качество ***, как своего рода нравственную красоту? Опыт показывает нам по этому вопросу, что у человека, как и у животного, общительность есть результат потребности. Если потребность в самозащите собирает в стадо или общество травоядных животных, как быки, лошади и т. д., то потребность нападать, охотиться, воевать, драться со своей добычей соединяет также в общество таких плотоядных животных, как лисицы и волки.

Интерес и потребность — таков источник, всякой общительности. Только одно это начало (отчетливые представления о котором встречаются лишь у немногих писателей) объединяет людей между собою. Поэтому сила их союза всегда соразмерна силе привычки и потребности. С того момента, когда молодой дикарь **** и молодой кабан в состоянии добывать себе пищу и

* В Африке говорят, что" существует особая порода диких собак, которые в силу того же побуждения отправляются сворой на войну с более сильными, чем они, животными.

** Из того, что человек общителен, сделали вывод, что он добр. Это — заблуждение. Волки живут обществом и не добры. Я прибавлю к этому даже, что если человек создал, как выражается Фонтенель, бога по своему образу и подобию, то нарисованный им ужасающий портрет божества должен вызвать сильные сомнения относительно доброты человека. Гоббса упрекают за следующий афоризм: «Сильный ребенок есть злой ребенок». Между тем он повторил лишь в других словах следующие прославленные стихи Корнеля:

Кто может сделать все, чего желает,—

Желает большего, чем должен,—

и следующий стих Лафонтена:

Довод более сильного — всегда лучший довод.

Люди, рассматривающие человека как материал для романа, порицают этот афоризм Гоббса, но люди, пишущие историю человека, восхищаются этим афоризмом, и необходимость законов доказывает всю его истинность.

*** Любопытство, которое иногда считают врожденной страстью, является у нас результатом желания быть счастливым и все более и более улучшать свое положение. Оно есть лишь дальнейшее развитие физической чувствительности.

**** По словам большинства, путешественников, привязанность негров к своим детям подобна привязанности животных к своим детенышам. Эта привязанность прекращается, когда детеныши могут сами позаботиться о своих потребностях (см. т. 1. «Melanges interessants de Voyages d'Asie, d'Amerique», etc). Анксики, говорит по этому вопросу Даппер в своем «Путешествии по Африке», поедает своих рабов. Человеческое мясо встречается на рынках так же часто, как говядина в наших мясных лавках. Отец питается мясом своего сына, сын — мясом своего отца, братья и сестры едят друг друга, и мать без отвращения питается только что родившимся ребенком. Наконец, негры, по словам отца Лабба, не чувствуют ни признательности, ни привязанности к своим родителям, лишены также сострадания к больным. У этих народов, прибавляет он, можно наблюдать матерей, настолько бесчеловечных, что они оставляют в деревнях своих детей в добычу тиграм.

защищаться, первый покидает хижину, второй — логово своих родителей*.

Орел перестает узнавать своих орлят с того момента, когда, сделавшись достаточно "быстрыми в своем полете, чтобы молнией ринуться на свою добычу, они могут обойтись без его помощи.

Узы, связывающие детей с отцом и отца с детьми, менее сильны, чем думают. Будь эти узы слишком сильными—это было бы даже пагубно для государства. Первой страстью для гражданина должна быть любовь к законам и общественному благу. Говорю это с сожалением, но сыновья любовь подчинена у человека любви к отечеству. Если это последнее чувство не превосходит всех прочих, то где найти критерий порока и добродетели? В этом случае такого критерия нет и всякая нравственность тем самым уничтожается.

Действительно, почему людям заповедали превыше всего любовь к богу или к справедливости? Потому, что смутно поняли опасность, которой подвергла бы их чрезмерная любовь к родным. Если узаконить эту чрезмерную любовь, если признать ее первым из всех чувств, то сын получит право ограбить своего соседа или обокрасть общественную казну для того, чтобы удовлетворить* потребности отца или увеличить его благополучие? Сколько существует семейств, столько было бы маленьких народов с противоположными интересами, которые всегда воевали бы друг с другом! Всякий писатель, который, желая внушить хорошее мнение о своем добросердечии, "основывает общительность на ином принципе, а не на физических и привычных потребностях, обманывает недалёковидных людей и дает им ложное представление о нравственности.

Природа хотела, несомненно, чтобы признательность и привычка играли у человека роль своего рода тяготения, которое влекло бы его к любви к своим родителям; она хотела также, чтобы человек нашел в естественном стремлении к независимости силу отталкивания, которая уменьшала бы чрезмерную силу этого тяготения **.

* В Европе самое обычное явление, что сыновья покидают своего отца, когда, став старым, слабый, неспособным к труду, он живет лишь милостыней. В деревнях можно наблюдать, что отец кормит семь или восемь детей, а семь или восемь детей не могут прокормить отца. Если не все сыновья так жестоки, если бывают нежные и человеческие дети, то своей человечностью они обязаны воспитанию и примеру; природа же сделала из них маленьких кабанов.

** Человек ненавидит зависимость. Отсюда может возникнуть ненависть к отцу и матери, и этим объясняется следующая пословица, основанная на повседневном наблюдении: любовь нисходит от родителей к детям, но не восходит от детей к родителям.

Поэтому дочь радостно покидает дом матери, чтобы перейти в дом мужа. Поэтому сын с удовольствием покидает отцовский очаг, чтобы получить

место в Индии, занять должность в провинции или просто путешествовать.

Несмотря на мнимую силу чувства, дружбы и привычки, в Париже то и дело меняют квартиры, знакомых и друзей. Желая обмануть людей, преувеличивают силу чувства и дружбы, общительность рассматривают как любовь или как враждебное начало. Неужели можно искренне забыть, что существует только одно такое начало — физическая чувствительность?

Одному этому началу мы обязаны и любовью к самим себе, и столь сильной любовью к независимости. Если бы между людьми, как это утверждают, имело место сильное взаимное притяжение, то разве заповедал бы им небесный законодатель любить друг друга, разве он повелел бы им любить своих родителей и матерей? Не предоставил ли бы он заботу об этом самой природе, которая без помощи какого бы то ни было закона заставляет человека есть и пить, когда он испытывает голод и жажду, открывать глаза по направлению к свету и беречь палец от огня?

Если судить по рассказам путешественников, то любовь человека, к ближним не так обычна, как это уверяют. Мореплаватель спасшийся при кораблекрушении и выброшенный на неизвестный берег, не бросается с распростертыми объятиями на шею первому встречному. Наоборот, он старается притаиться в каком-нибудь кустарнике. Отсюда он изучает нравы туземцев, и отсюда он выходит дрожа навстречу им.

Но, скажут, когда какой-нибудь европейский корабль пристанет к неизвестному острову, то разве дикари не сбегаются толпой, к нему? Несомненно, их поражает его зрелище. Дикарей удивляют новые для них одежда, наши украшения, наше оружие, наши орудия. Это зрелище вызывает кх изумление. Но какое желание следует у них за этим первым чувством? Желание присвоить себе предметы их восхищения. Сделавшись менее веселыми и более задумчивыми, они измышляют способы отнять хитростью или силой эти предметы их желания. Для этого они подстерегают благоприятный момент, чтобы обокрасть, ограбить и перерезать европейцев, которые при завоевании ими Мексики и Перу уже ранее дали им образец подобных несправедливостей и жестокостей.

Из этой главы следует вывод, что принципы этики и политики должны, подобно принципам всех прочих наук, покоиться, немногочисленных фактах и наблюдениях. Но что следует из производившихся до сих пор наблюдений над нравственностью? Что любовь людей к своим ближним есть результат необходимости помогать друг другу и бесконечного множества потребностей, зависящих от той же физической чувствительности, которую я считаю первоначальным источником наших поступков, наших пороков и наших добродетелей.

* Заповедь любить своих отцов и матерей доказывает, что любовь к родителям есть скорее дело привычки и воспитания, чем природы.

Гельвеций К. А. О человеке 11 Сочинения: В 2 т. М., 1974. С. 93—97

Цит. по: Мир философии: Книга для чтения. В 2-х ч. Ч.2. — М.: Политиздат, 1991. — С. 21 — 23.

Пико делла Мирандола

Речь о достоинстве человека

Прочитал, уважаемые отцы, в писаниях арабов, что, когда спросили Абдаллу Сарацина, что кажется ему самым удивительным в мире, он ответил: ничего нет более замечательного, чем человек. Этой мысли соответствуют и слова Меркурия: "О Асклепий³, великое чудо есть человек!" Когда я размышлял о значении этих изречений, меня не удовлетворяли многочисленные аргументы, приводимые многими в пользу превосходства человеческой природы: человек есть посредник между всеми созданиями, близкий к высшим и господин над низшими, истолкователь природы в силу проницательности ума, ясности мышления и пытливости интеллекта, промежуток между неизменной вечностью и текущим временем, узы мира, как говорят персы, Гименей, стоящий немного ниже ангелов, по свидетельству Давида".

Все это значительно, но не то главное, что заслуживает наибольшего восхищения. Почему же мы не восхищаемся в большей степени ангелами и прекрасными небесными хорами? В конце концов, мне показалось, я понял, почему человек самый счастливый из всех живых существ и достойный всеобщего восхищения и какой жребий был уготован ему среди прочих судеб, завидный не только для животных, но и для звезд и потусторонних душ. Невероятно и удивительно! А как же иначе? Ведь именно поэтому человека по праву называют и считают великим чудом, живым существом, действительно достойным восхищения. Но что бы там ни было, послушайте, отцы, и снисходительно простите мне эту речь.

Уже всевышний отец, бог-творец создал по законам мудрости мировое обиталище, которое нам кажется августейшим храмом божества. Наднебесную сферу украсил разумом, небесные тела оживил вечными душами. Грязные, загаженные части нижнего мира наполнил разнородной массой животных. Но, закончив творение, пожелал мастер, чтобы был кто-то, кто оценит бы смысл такой большой работы, любил бы ее красоту, восхищался ее размахом. Поэтому, завершив все дела, как свидетельствуют Моисей⁵ и Тимей⁶, задумал наконец сотворить человека. Но не было ничего ни в прообразах, откуда творец произвел бы новое потомство, ни в хранилищах, что подарил бы в наследство новому сыну, ни на скамьях небосвода, где восседал сам созерцатель вселенной. Уже все было завершено; все было распределено по высшим, средним и низшим сферам. Но не пристало отцовской мощи отсутствовать в последнем потомстве, как будто она истощена, не подобало колебаться его мудрости в необходимом деле из-за отсутствия совета, не приличествовало его благодетельной любви, чтобы тот, кто в других должен был восхвалять божескую щедрость, осуждал бы ее в самом себе. И установил наконец лучший творец, чтобы тот, кому он не смог дать ничего собственного, имел общим с другими все, что было свойственно отдельным творениям. Тогда согласился бог с тем, что человек

— творение неопределенного образа, и, поставив его в центре мира, сказал: "Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные". О, высшая щедрость бога-отца! О, высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет! Звери при рождении получают от материнской утробы все то, чем будут владеть потом, как говорит Луцилий⁷. Высшие духи либо сразу, либо чуть позже становятся тем, чем будут в вечном бессмертии. В рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды. Возделает растительные, — будет растением, чувственные, — станет животным, рациональные, — сделается небесным существом, интеллектуальные, — станет ангелом и сыном бога. А если его не удовлетворит судьба ни одного из этих творений, пусть вернется к своей изначальной единичности и, став духом единым с богом в уединенной мгле отца, который стоит надо всем, будет превосходить всех. И как не удивляться нашему хамелеонству! Или, вернее, чему иному можно удивляться более? И справедливо говорил афинянин Асклепий, что за изменчивость облика и непостоянство характера он сам был символически изображен в мистериях как Протей⁸. Отсюда и известные метаморфозы евреев и пифагорейцев. Ведь в тайной еврейской теологии то святого Еноха превращают в божественного ангела, которого называют "MaI'akh Adonay Shebaoth", то других превращают в иные божества. Пифагорейцы нечестивых людей превращают в животных, а если верить Эмпедоклу, то и в растения. Выражая эту мысль, Магомет часто повторял: "Тот, кто отступит от божественного закона, станет животным, и вполне заслуженно". И действительно, не кора составляет существо растения, но неразумная и ничего не чувствующая природа, не кожа есть сущность упряжной лошади, но тупая и чувственная душа, не кругообразное вещество составляет суть неба, а правильный разум; и ангела создает не отделение его от тела, но духовный разум.

Если ты увидишь ползущего по земле на животе, ты увидишь не человека, а кустарник, и, если увидишь, подобно Калипсо⁹, кого-либо, ослепленного пустыми миражами фантазии, охваченного соблазнами раба чувств, ты увидишь не человека, а животное. И если ты видишь философа, все распознающего правильным разумом, уважай его, ибо небесное он существо, не земное. Если же видишь чистого созерцателя, не ведающего плоти и

погруженного в недра ума, то это не земное и не небесное существо. Это — более возвышенное, божественное, облаченное в человеческую плоть. И кто не станет восхищаться человеком, которого в священных еврейских и христианских писаниях справедливо называют именем то всякой плоти, то всякого творения, так как он сам формирует и превращает себя в любую плоть и приобретает свойства любого создания! Поэтому пере Эвант, излагая философию халдеев, пишет, что у человека нет собственного природного образа, но есть много извне привходящих. Отсюда и выражение у халдеев: "Nanarich tharah sharinas": человек — животное многообразной и изменчивой природы. К чему это относится? К тому, чтобы мы понимали, родившись — при условии, что будем тем, кем хотим быть, — что важнейший наш долг заботиться о том, чтобы по крайней мере о нас не говорили, что когда мы были в чести, то нас нельзя было узнать, так как мы уподобились лишенным разума животным. Но лучше, если о нас скажут словами пророка Асафа: "Вы — боги и сыны всевышнего все вы"¹⁰. Мы не должны вредить себе, злоупотребляя милостивейшей добротой отца, вместо того чтобы приветствовать свободный выбор, который он нам дал.

Пусть наполнит душу святое стремление, чтобы мы, не довольствуясь заурядным, страстно желали высшего, а также добивались (когда сможем, если захотим) того, что положено всем людям. Отвергая земное, пренебрегая небесным и, наконец, оставив позади все, что есть в мире, поспешим в находящуюся над миром курию, самую близкую к высочайшей божественности.

Там, как рассказывают мистерии, первые места занимают серафим, херувим и трон, не ведающие, что мы уже уступили им и добиваемся достоинства и славы, неудовлетворенные вторыми местами, и если захотим, то не будем ни в чем их ниже. Но что и как совершая? Давайте посмотрим, что делают они, какой жизнью живут. И если мы будем жить так (а мы так можем), то сравняемся с ними. Серафим горит в огне любви, херувим блистает великолепием разума, трон хранит твердость судьи. Итак, если, предавшись деятельной жизни, мы примем на себя справедливую заботу о низших, то укрепимся стойкой твердостью трона. Если, освободившись от дел, предадимся созерцанию на досуге, постигая творца в работе и работу в творце, то засверкаем светом херувима. Если только загоримся истребляющим огнем любви к творцу, то вспыхнем внезапно в образе серафима.

Над троном, то есть над справедливым судьей, восседает бог — вечный судья. Он летает над херувимом — созерцателем, согревает его, почти возлежа на нем. Дух божий витает над водами, которые расположены над небесами и восхваляют бога в предрассветных гимнах. Здесь серафим — обожатель в боге и бог в нем; бог и он — единое.

Нам следует достигнуть высшего могущества тронов, рассуждая о нем, любя его и величая серафимов.

Но каким образом кто-либо может рассуждать о неизвестном или любить неизвестное? Моисей любил бога, которого видел, и устраивал как судья в

народе то, что прежде увидел как созерцатель на горе. Итак, находящийся посредине херувим своим светом готовит нас к серафическому огню и равным образом озаряет нас для суда трона. Это и есть удел первого разума, порядок Паллады, лежащий в основе созерцательной философии; это то, чему нам следует прежде всего подражать и что мы должны исследовать и понять, чтобы подняться к вершинам любви и спуститься хорошо обученными и готовыми к свершению дел.

Но ведь если необходимо строить нашу жизнь по образцу херувимов, нужно видеть, как они живут и что делают. Но так как нам, плотским и имеющим вкус к мирским вещам, невозможно этого достичь, то обратимся к древним отцам, которые могут дать нам многочисленные верные свидетельства о подобных делах, потому что они им близки и родственны. Посоветуемся с апостолом Павлом, ибо когда он был вознесен на третье небо, то увидел, что делало войско херувимов. Он ответит нам, что они очищаются, затем наполняются светом и наконец достигают совершенств, как передает Дионисий. Так и мы, подражая на земле жизни херувимов, подавляя наукой о морали порыв страстей и рассеивая спорами тьму разума, очищаем душу, смывая грязь невежества и пороков, чтобы страсти не бушевали необдуманно и не безумствовал иногда бесстыдный разум. Тогда мы наполним очищенную и приведенную в порядок душу светом естественной философии, чтобы затем совершенствовать ее познанием божественных вещей.

Не довольствуясь нашими святыми отцами, посоветуемся с патриархом Яковом, чье изваяние сияет на месте славы. И мудрейший отец, который спит в подземном царстве и бодрствует в небесном мире, даст нам совет, но символически, как это ему свойственно. Есть лестница, скажет он, которая тянется из глубины земли до вершины неба и разделена на множество ступенек. На вершине этой лестницы восседает господь; ангелы-созерцатели то поднимаются, то спускаются по ней. И если мы, страстно стремясь к жизни ангелов, должны добиться ее; то, спрашиваю, кто посмеет дотронуться до лестницы господя грязной ногой или плохо очищенными руками? Как говорится в мистериях, нечистому нельзя касаться чистого.

Но каковы эти ноги и руки? Ноги души — это, несомненно, та презреннейшая часть, которая опирается как на всю материю, так и на верхний слой земли, питающая и кормящая сила, горючий материал страстей, наставница дающей наслаждение чувственности. А рука души, защитница страсти, — почему мы не говорим о ней с гневом? — сражается за нее, под солнцем и пылью эта хищница отнимает то, чем сонная душа наслаждается в тени. Эти руки и ноги, то есть всю чувственную часть, в которой заключен соблазн тела, как говорят, силой пленяющий душу, мы, словно в реке, омываем в философии морали, чтобы нас, как нечестивых и греховных, не сбросили с лестницы. Однако этого недостаточно, если мы не захотим стать спутниками ангелов, носящихся по лестнице Якова, не будем заранее хорошо подготовлены и обучены двигаться, как положено, со ступеньки на ступеньку, никогда не сворачивая с пути и не мешая друг

другу. А когда мы достигнем этого красноречием или способностями разума, то, оживленные духом херувимов, философствуя в соответствии со ступенями лестницы, то есть природы, доискиваясь до сути всего, будем то спускаться, расщепляя с титанической силой единое я на многие части, как Озириса, то подниматься, соединяя с Фебовой силой множество частей в единое целое, как тело Озириса, до тех пор пока не успокоимся блаженством теологии, прильнув к груди отца, который восседает на вершине лестницы. Спросим у справедливого Иова, который заключил с богом договор о жизни, прежде чем сам вступил в жизнь: "Чего больше всего желает высший бог от миллионов ангелов, которые ему служат?" "Конечно, мира", — ответит бог согласно тому, как читается: "Того, который творит мир на небесах". И так как средний ряд передает предписания высшего ряда низшему, то для нас слова теолога Иова объясняет философия Эмпедокла, указывающая на двойную природу нашей души: одна поднимает нас вверх, к небесам, другая сбрасывает вниз, в преисподнюю, — и сравнивает это с враждой и дружбой или с войной и миром, как свидетельствуют его песни. Иов жалуется, что он, как безумный, был вовлечен в раздор и сброшен в пропасть далеко от богов.

Ведь, действительно, среди нас множество разногласий, отцы! Дома у нас идет тяжелая междоусобная распря и гражданская война. Если бы мы захотели и страстно пожелали мира, который поднял бы нас так высоко, что мы оказались бы среди возвышенных господа, то единственное, что успокоило бы и обуздало нас вполне, это философия морали. И если бы человек в нас самих просил бы у "врагов" только перемирия, то и тогда обуздал бы свои животные порывы и пылкий гнев льва. И если, заботясь о себе, мы пожелали бы затем вечного мира, то он наступил бы, обильно утолив наши желания, и, принеся в жертву двух животных, заключил бы между телом и духом нерушимый договор о священном мире.

Диалектика успокоит разум, который мучается из-за словесных противоречий и коварных силлогизмов. Естественная философия уймет споры и борьбу мнений, которые угнетают, раскалывают и терзают беспокойную душу, но при этом заставит нас помнить, что природа, согласно Гераклиту, рождена войной и поэтому названа Гомером борьбой. Поэтому невозможно найти в природе настоящего покоя и прочного мира, которые являются привилегией и милостью ее госпожи — святейшей теологии. Теология укажет нам путь к миру и поведет как провожатый. Издали увидев нас, спешащих, она воскликнет: "Подойдите ко мне, вы, находящиеся в затруднении, подойдите, и я успокою вас; подойдите ко мне, и я дам вам мир, который не могут вам дать ни вселенная, ни природа"¹². И мы, ласково позванные и так радушно приглашенные, с окрыленными, как у Меркурия, ногами устремимся в объятия благословенной матери, насладимся желаемым миром — святейшим миром, неразрывными узами и согласной дружбой, благодаря которой все души не только согласованно живут в едином разуме, который выше всех разумов, но некоторым образом сливаются в единое целое.

Такая дружба, как говорят пифагорейцы, является целью всей философии;

такой мир бог устанавливает на небесах, и ангелы, сходящие на землю, сообщают о нем людям доброй воли, чтобы благодаря этому миру люди, восходящие на небо, сами стали ангелами. Такой мир мы пожелали бы друзьям, нашему времени, каждому дому, в который бы мы вошли, и нашей душе, чтобы она стала благодаря ему местом пребывания бога, и, после того как смоем с себя грязь с помощью морали и диалектики, украсилась многообразной философией, подобно пышно украшенному дворцу, портал увенчала бы гирляндами теологии, и тогда вместе с отцом сойдет король славы и сделает в ней свое пристанище. Душа окажется достойной столь снисходительного гостя. Отделанная золотом, как свадебная тога, она примет выдающегося гостя не как гостя, а как нареченного, с которым никогда не разлучаются, и захочет отделиться от своего местопребывания и, забыв дом своего отца и даже себя, пожелает умереть в себе самой, чтобы жить в нареченном, в присутствии которого смерть его святых поистине блаженна. Я говорю — смерть, если можно назвать смертью полноту жизни, размышление над которой является целью философии, как говорили мудрецы. Давайте позовем самого Моисея, который лишь немногим меньше того обильного источника священной и невыразимой мысли, откуда пьют нектар ангелы. Выслушаем же судью, который должен прийти к нам и объявить тому, кто живет в пустынном одиночестве плоти, следующие законы. Тот, кто еще греховен, нуждается в морали, поэтому пусть живет с людьми не в святилище, а под открытым небом...

Пико дела Мирандола «Речь о достоинстве человека».

Цит. по: Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. – М.: Политиздат, 1991. – С. 220 – 225.

Вопросы

Паскаль

Почему, согласно Паскалю, по своей натуре человек всегда и при всех обстоятельствах несчастен?

Прокомментируйте высказывание Паскаля: «Суть человеческого естества – в движении. Полный покой означает смерть».

В чем заключается цель и предназначение человека?

Что является основой нравственности?

Каким свойством обладает человек, которое и возвышает его и приземляет?

Почему славолубие является одновременно и доказательством его высокого достоинства?

Чем, по мысли Паскаля, подтверждается величие человека?

В чем заключается двойственность природы человека?

В чем суть разногласий и философских споров?

Следует ли человеку знать кто он?

Вольтер

Каковы представления человека о самом себе, согласно Вольтеру?

В чем, по мнению Вольтера, трудность определения человека?

Почему философы не могут дать понятие человека?

Как, по мысли Вольтера необходимо исследовать человека?

Гельвеций

По мысли Гельвеция, человек есть травоядное и плотоядное животное. В чем сходство и различие человека и животного по Гельвецию?

Можно ли сказать, что человек, согласно Гельвецию, по своей природе добр?

Что объединяет людей в общество? Что является целью человеческого союза? Что лежало в основе союза? Для чего они заключали соглашения и создавали законы?

Почему Гельвеций считает, что первой страстью для гражданина должна стать любовь к законам и общественному благу? Какая опасность кроется в чрезмерной любви к родным?

Мирандола

Какие аргументы приводились в философии в пользу превосходства человеческой природы? Согласен ли Мирандола с такими определениями человека? Как он определяет человека?

Зачем, согласно Мирандола, бог создал человека? Какое место он определил ему?

Дается ли образ человека от природы?

Может ли человек, по мысли Мирандола, достичь совершенства, ведь он тяготеет к плотским и мирским вещам?

Каковы главные качества человека? К чему он должен стремиться? Какой жизнью должен жить?

В чем, по мнению Мирандола, заключается достоинство человека?

Каково ваше мнение, что должен делать человек?